

355657

ЛЕОНИД ЛОДГАУЗ

*Маяковский
с нами
в бою*

О Г И З

1942

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЗНАМЯ

Тогда достали из заветного места кусок багрово-красного, золотистого, холодного на ощупь и скользкого атласа, в котором под верхним слоем краски, казалось, струится огонь, вспыхивающий на свету жарким пламенем.

Сделали два больших полотнища.

На одном молодые колхозницы-стахановки под руководством старой рукодельницы аккуратно и с любовью вышили разноцветным, всевозможных оттенков, шелком портрет Иосифа Виссарионовича Сталина.

На другом стайка звонкоголосых, веселых певуний-школьниц отличниц под наблюдением учительницы написала шелковыми нитками одиннадцать строчек, взятых из большой толстой книги, на обложке которой был нарисован силуэт головы поэта.

Однажды вечером в просторном доме правления колхоза «Вперед за социализм» было особенно тесно. Один за другим подходили к столу лучшие колхозники и колхозницы, брали иголку и сложенные вместе, лицом внутрь, два атласных полотнища и делали строго по пять стежков.

— Пусть труд каждого из нас будет вложен в это знамя,— сказал колхозный сторож, делая свои стежки.

— Пусть боятся враги-изверги этого знамени, как чорт лапана,— проговорила старая птичница.

— Пусть с этим знаменем наши красноармейцы добьются полной победы над фашистами,— пожелал конюх и сделал на два стежка больше других.

Почти каждый, беря иголку и делая свою часть общей работы, высказывал пожелания. Только одна из доярок сосредоточенно, молча подошла к будущему знамени и, когда шила, лицо ее было серьезно-суровым.

Все притихли, так как знали, что только сегодня утром она получила извещение о гибели единственного сына—отважного пулеметчика.

Доярка в каком-то глубоком забытьи делала стежки. Первый, третий, пятый, десятый, двенадцатый. Она шила и шила, и никто даже не подумал ее остановить.

Она очнулась сама. Воткнула в атлас иголку, провела рукой по лбу, поправила волосы и отошла.

Пока вышивали портрет и стихи, колхозный плотник выстругал из самой хорошей жердины отличное древко. Мальчишки-пионеры отгладили его осколками стекла, отполировали наждачной бумагой и тщательно в несколько слоев покрасили красной краской.

Кузнец выковал прочный, легкий, красивый наконечник со звездой, серпом и молотом.

Из белого, серебристого, как степной ковыль, мягкого и нежного льна пряжи-мастерицы сделали толстые витые шнуры и большие прекрасные кисти.

Собирали знамя в торжественной, как на празднике, обстановке.

И когда прибито было полотнище к древку, одет наконечник и прикреплены шнуры с кистями, вышел вперед шорник и сказал:

— Знамя готово. Богатое знамя получилось, ценное трудами нашими и любовью. Надо подумать и о сбережении его от непогоды, от снега и дождя, от грязи и пыли. Вот мой вклад.

Он положил на стол искусно сшитый из добротной кожи чехол.

...Туго свернутое, затянутое в чехол знамя было прислонено к маленькому зданию железнодорожного разъезда. Сжимая рукой древко, сидела на скамейке круглолицая, сероглазая, с задорно вздернутым носиком девушка. Она отдыхала.

Два дня девушка шла по тяжелой весенней дороге, по снегу, превратившемуся в хлопкую кашу. С трудом и страхом перебиралась через вздувшуюся, посиневшую реку, на которой лед во многих местах прососало и у берегов уже затопило водой. Зыбко гнулся под ногами лед, из-под сапог бежали во все стороны трещины, но она перешла на другой берег.

На досчатом перроне было безлюдно. Девушка достала из-за пазухи полшубка несколько листиков из ученической тетради, на которых предколхоза и учительница написали «речь к передаче знамени». Вполголоса она заучивала речь.

Весеннее солнце пригревало совсем по-летнему. Девушка задремала.

Несколько раз она просыпалась от громких гудков паровоза. Но мимо разъезда проходили товарные поезда.

Наконец, пришел долгожданный.

Из вагонов еще на-ходу начали выскакивать красноармейцы и с котелками в руках, перекликаясь, побежали за кипятком.

355657

В открытые двери врывается шум молодых голосов, шутки, смех, звуки саратовской гармоники с колокольчиками, под которую чистый тенор то протяжно выводил, то лихо отрывал антифашистские частушки.

Девушка увидела политрука. Он также заметил ее с развернутым знаменем в руках и попросил, словно скомандовал: — Ты-хо!

Общий шум слегка притих.

Девушка почувствовала на себе сотни внимательных глаз и сразу забыла заученную речь. Она сказала, как сумела:

— Вот вам, товарищи, в подарок знамя от нашего колхоза. Пусть портрет товарища Сталина будет вашим победным знаменем в смертельных боях против германского фашизма. Пусть его носит самый храбрый из вас!

При первых словах девушки политрук стал «смирно» и взял под козырек. Приложив руку к своей красной фуражке, замер стоявший поодаль начальник разезда. В вагонах стало совершенно тихо.

Когда девушка кончила речь и передала знамя, заговорил политрук:

— Принимая это знамя, я от имени всех бойцов, командиров и политработников части обещаю, нет, клянусь, беспощадно бить германских фашистов. Смерть немецким оккупантам! Да здравствует наш вождь товарищ Сталин! Да здравствует наш великий непобедимый народ!

Политрук горячо поцеловал знамя.

Девушка бросилась к нему и, прежде чем он успел что-либо сообразить, обняла за шею и звонко поцеловала в губы.

Красноармейцы захлопали в ладоши, закричали «ура!»

...Ура-аа!—грозными волнами перекатывается по полю боя.

Комсомолец Туркин крепко сжимает красное древко. Над головами бойцов, в лучах весеннего солнца пламенеет атласное полотнище.

Фашисты пытаются сбить его. Вот уже знаменосец ранен в ногу, он хромот, но идет неуклонно вперед. Кровь потекла по его спине. Мокрым стал правый рукав. Пули вбиваются в грудь. Знаменосец шатается, но не выпускает древка из рук, спотыкаясь, он двигается вперед. Голубая граната разрывается вблизи. Падает знаменосец—самый храбрый в части боец. Но не касается земли дорогое сердцам красноармейцев знамя. Его подхватывает комиссар, и оно снова гордо взмывает над полем боя, огненно-красное, неудержимо зовущее к победе.

Бежит разгромленный враг.

Победным путем на запад плывет, полыхает по ветру, уже простреленное в нескольких местах, разорванное осколками,

золотисто-багровое боевое атласное знамя, на котором с одной стороны вышит портрет великого Сталина, а с другой—строчки стихов Маяковского:

Сердце
Республика
нету с армией слила,
на свете
тверже сплава.
Красная Армия—
наша сила.
Нашей
Красной Армии
слава!

ПИОНЕРЫ ИЗ ПРИГОРОДА

Рано утром голосистый заводской гудок звал на работу. В проходной, у больших серых корпусов недавно выстроенного завода сельскохозяйственных машин собиралась первая смена.

Гудок был сигналом для взрослых и лучшим будильником для учеников. Они вскакивали с постелей, быстро одевались, старательно умывались, собирали книги и тетради, завтракали и уходили к новому светлому зданию школы.

Часто после уроков пионеры стройными рядами, с красным знаменем, под барабан маршировали по улицам пригорода и пели:

Возьмем
винтовки новые,
на штык флажки.
И с песнею
в стрелковые
пойдем кружки...

Они ходили в стрелковые и санитарные, в авиамodelьные и физкультурные кружки; изучали автомобиль и станковый пулемет, выращивали невиданные в этих краях плоды и злаки, воспитывали служебных собак.

В пионерской комнате школы, на доске, загрунтованной ребятами под мрамор, были бронзой написаны слова:

«...Пионер—это не парадный мальчик, не нарядно одетая девочка. Пионер—это борец (Л. М. Каганович)».

Они готовились к борьбе—овладевали начатками знаний—и звонкими детскими голосами серьезно пели суровые слова о долге, написанные Маяковским—

Когда
война-метелица
придет опять,
должны
уметь мы целиться,
уметь стрелять...

И война пришла, но не в метельные зимние дни, а в солнечном июне.

Правда, до города Ю. она докатилась глубокой осенью. Заводской гудок среди ночи известил о тревоге. Над притаившимся в темноте городом вспыхнули осветительные ракеты. Фугасные бомбы, пробивая крыши и дробя стеклянные фонари перекрытий, рвались в пустых, некогда шумных заводских корпусах. Станки, оборудование, сырье—заранее погрузили в вагоны, на платформы, и отправили за Урал, на восток, в глубокий тыл. А менее ценное—разбили, сломали, уничтожили.

Громовые раскаты орудийной перестрелки слышались все ближе и ближе. В городе расположился штаб дивизии, в пригороде разместились саперная часть.

Саперы рыли противотанковые рвы, сооружали надолбы, ставили рогатки из рельсов. Любопытные ребята все время вертелись около них и были несказанно счастливы, когда им удавалось помочь саперам—поднести доски, дать напиток, воды, собрать инструмент.

Через несколько дней, по приказу командования, город был оставлен нашими войсками.

Вошли немцы.

Одной из первых жертв извергов была пионерка Валя Морозова. Она шла по улице пригорода, совсем забыв о том, что из-под шубки у нее выглядывает красный пионерский галстук. Толсторожий прыщавый ефрейтор схватил ее за галстук и начал бить тяжелым пистолетом, пока окровавленная девочка не упала на снег. Только после этого он застрелил маленькую мученицу.

Пионер Володя несколько раз ловко перерезал телефонные провода фашистов. Комендант города объявил награду в тысячу рублей за поимку «закоренелого партизана, портящего линии связи». В ту же ночь Володя перерезал пять линий. Через два дня его поймали и привели в здание школы, где гестаповцы устроили застенок. Мальчика пытали, требуя, что-

бы он выдал сообщников, указал, где находятся партизаны. Он упорно молчал.

— Кто же научил тебя делать это?..— визжал взбешенный офицер.

— Я скажу кто научил меня делать все это... Сталин!

Разрывная пуля пробилла ему голову.

Но не все пионеры пригорода поступали так. Многие не вмешивались в большие военные события, а занимались своими ребячьими забавами.

Алик катал на салазках младших ребяташек. Он возил их по всем улицам и переулкам пригорода. Иногда взрослые делали ему замечание:

— Мальчик, почему ты бегаешь по улице в такое тяжелое время?

— А вы думаете мне не тяжело с утра до позднего вечера таскать нагруженные малышами санки?

Взрослые ничего не понимали, но все же укоризненно качали головами.

Петя, Дима и Слава играли в таинственный клад. В сугробе, в углу двора, они вырыли «пещеру». Крадучись, прятали там куски ржавого железа, старые ящики, тяжелые бумажные пакеты.

Коля, Шура, Гриша и еще десяток их товарищей изображали из себя разбойников, индейцев и охотников. Самодельные деревянные мечи, щиты из кусков фанеры, копья из жердей, луки и самострелы из обручей—поглощали все их внимание...

Гитлеровцы были разгромлены под Москвой. Красная Армия наступала, освобождая от оккупантов один за другим населенные пункты, города.

Бои за город Ю. были упорные. Фашисты превратили пригород в крепость-форпост. Несколько раз ходили в атаку красноармейские части и вынуждены были возвращаться обратно на исходные позиции.

Но город нужно было освободить во что бы то ни стало. Новую решительную атаку готовили штабисты, используя добытые в боях сведения о расположении сил противника, их общем количестве и оснащенности танками.

В землянку командного пункта неожиданно пришли два пионера из пригорода.

— Как вы пробрались сюда?—спросил их командир в растегнутом полушубке, под которым горели на груди боевые ордена.—Зачем пришли, ребята?

— Обманули фашистских часовых и пробрались. А пришли вот зачем... Алик, говори!

— Я все эти дни катал малышей по улицам. У вас есть план нашего поселка?

— Ты хочешь показать, на каких улицах вы играли?

— Да, и показать в каких дворах и домах немцы установили свои орудия, пулеметы и минометы. Я все время за этим следил, а чтобы было удобнее, придумал такую хитрость — катать малышей на санках.

— Молодец! Вот план, показывай.

Над походным столиком, вокруг пионера сгрудились командиры. Через несколько минут все огневые точки гитлеровцев были нанесены на план.

Командир с орденами под полушубком повернулся ко второму мальчику.

— А ты что расскажешь?

— Ничего я не буду рассказывать. Я покажу вам дорогу в фашистские тылы.

В предзакатной серой дымке к пригороду пробрался передовой отряд. Рядом с лейтенантом полз пионер Коля и показывал дорогу.

Когда перебирались через лед речки, лейтенант заботливо прикрыл мальчика полкой своего широкого маскировочного халата. А потом пионер отодвинул в сторону доску глухого высокого забора и, пропуская лейтенанта, сказал:

— Там, прямо, беседка, вы за нее пока спрячьтесь, а я покажу другим товарищам красноармейцам еще пять таких лазов, которые мы сделали в этом заборе.

Весь отряд быстро и незаметно просочился сквозь забор. Около беседки валялся немецкий автомат.

— Стрелять умеешь?—спросил лейтенант.

И в ту же секунду тяжелый снаряд врезался в дом, стоявший в саду. Из дверей выбежали два офицера. Наша артиллерия начала точный обстрел фашистских огневых точек.

— Умею, ответил пионер и вскинул автомат.

Оба офицера упали. Пионер сказал:

— В соседнем доме штаб, надо выломать забитую калитку.

Наши ворвались в пригород, закипели уличные бои. В некоторых местах фашисты уже отступали, бросая оружие. Из исправных немецких автоматов, пулеметов и минометов красноармейцы били по врагу.

Дома превратились в крепости. В одном квартале гитлеровцам удалось снова занять здание, откуда они недавно были выбиты. Получилось, что домик, где засело несколько красноармейцев, бивших из двух трофейных пулеметов, очутился в клещах—справа, слева и через улицу его обстреливали враги. Все чаще делали паузы пулеметчики, все короче были их оче-

реди. Немцы понимали, что у красноармейцев иссякают патроны, и усиливали свой огонь по голубому домику.

Понимали это и пионеры. Прячась за всякую рухлядь и хлам, перебегая от одной помойной ямы к другой, задами дворов пробирались к голубому домику Дима и Петя. На длинном ремне они тащили за собой небольшой ящик.

Пулеметы осажденных замолчали совсем. Злорадствуя, выскочили немцы и начали обливать стены домика керосином. Выстрелами из винтовок бойцы выводили из строя некоторых врагов, но остальные твердо решили сжечь красноармейцев. Верзила в зеленой шинели уже бежал с пылающим факелом.

Но в эту минуту кто-то выбил окно со двора и бойцы услышали детские голоса:

— Возьмите! Тут патроны!

Тяжелый ящик был быстро поднят в окно. Полным голосом заговорили оба пулемета, первой же очередью скосив поджигателя с факелом.

Город был освобожден от немецких оккупантов.

Достав спрятанное на чердаке свое красное знамя, откопав из «пещеры» барабан и горн, пионеры пригорода снова рядами шли по улицам и громче, чем раньше, пели:

Раз,

два,

три!

Пионеры мы.

Мы фашистов не боимся,
пойдем на штыки...

И взрослые уже не улыбались слегка иронически, как прежде, когда слышали эту песню, а с уважением и гордостью думали: «это они действительно могут».

Словно перекликаясь с песней пионеров из отряда имени Маяковского, голосистый заводской гудок звал на работу вторую смену. Теперь в серых, немного пострадавших об бомбардировки и артиллерийского обстрела корпусах ремонтировали танки.

РЕИС КОМИССАРА

Снаряд попал в правую гусеницу. Танк развернулся вправо и остановился. Осмелев, гитлеровцы набросились на подбитую советскую машину.

Экипаж машины командира батальона Михаила Щербакова мужественно принял сражение с двумя средними и одним тяжелым немецкими танками. На непрерывный пушечно-пулеметный огонь врага экипаж отвечал редкими точными выстрелами.

ми. Вот уже сбита башня у одного из средних танков, закинута пушка на тяжелой крепости «Рейнметалл», разорваны гусеницы третьего.

Фашисты на помощь своим танкам подкатили противотанковую пушку и в упор начали расстреливать неподвижную, но неприступную советскую металлическую крепость. Вторым снарядом был убит сосредоточенный, с бровями, сросшимися над переносицей, суровый стрелок Фома Василенко. Его заменил командир батальона, и третьего выстрела гитлеровской пушке сделать не пришлось— она замолчала навсегда.

Обозленные неудачами, враги подкатывали две новых противотанковых пушки. Но вскоре одна из них перевернулась вверх колесами, а вторая... вторая успела ранить комбата в левое плечо. Сжав зубы, он одной рукой навел пушку и продолжал стрелять.

Сначала он видел и черно-белый танк и серо-зеленую пушку, а потом в глазах пошли цветные круги и комбат потерял сознание.

Ночью раненый водитель и второй стрелок выбрались через нижний люк. Они взяли ручные пулеметы и гранаты. Бережно вынули потерявшего сознание командира и поползли к своим.

В госпитале уже на второй день комбат горячо доказывал главврачу, что «рана в плечо—ерунда», а на лбу «просто царапина, которую не следовало и забинтовывать».

Но главврач—маленький и лысый, задрал голову, смотрел на курчавого высокого блондина и твердил:

— Нет, нет и не говорите! Отпустить я вас никак не могу.

После обеда комбат потихоньку надел ватный костюм, кожаную куртку, валенки, шапку и осторожно вышел из госпиталя. У штаба он случайно нашел машину из своего подразделения. А вечером уже пожимал руку комиссара Константина Колесниченко и радостно говорил:

— Вот я снова с вами! Жив, здоров. Немножко меня в госпитале перевязали, да ведь там всех перевязывают—такая уж у них профессия. Как бойцы? Что фрицы?

На следующее утро комбат снова повел машины в бой. «Наш комбат снова с нами. Жми, ребята!»—с любовью и гордостью говорили танкисты.

А комбату после боя стало хуже. Его уложили на койку в землянке, дали кофе с вином, вызвали для дежурства санинструктора. Комиссар и начальник штаба не отходили от своего боевого товарища, от лучшего друга и самого веселого танкиста в дивизии.

Лицо комбата побелело, на губах насохла корка, а руки

безжизненно вытянулись поверх одеяла, только веки закрытых глаз слегка подрагивали.

В землянке было так тихо, что слышно было, как тикают крошечные часы на руке девушки-санинструктора.

Снаружи разыгралась погода. Еще днем поднялся и заплясал над полем ветер. К вечеру ветер окреп. Он взмывал вверх снег, метался то в одну, то в другую сторону, словно не мог решить, куда дуть, и злился на себя за нерешительность, свирепел и завывал.

Комбат поднес руку ко рту и зашевелил губами.

— Пить?—спросила санинструктор и взяла со столика стакан с водой.

— Курить?—начштаба быстро достал и с готовностью открыл портсигар.

— Нет!—раздраженно крикнул комбат и вытннно произнес:

Время—
 начинаю
 про Ленина рассказ.
Но не потому,
 что горя
 нету более,
время
 потому,
 что резкая тоска
стала ясною,
 осознанною болью.

Он замолчал и судорожно провел правой рукой по лбу. Через несколько секунд, не открывая глаз, комбат продолжал говорить запекшимися белыми губами:

Время,
 снова
 ленинские лозунги развихрь,
Нам ли
 растекаться
 слезной лужею?
Ленин
 и теперь
 живее всех живых
Наше знание,
 сила...

Рука упала, свисая с постели. Широко растопырив бледные пальцы, комбат тревожно спрашивал:

— А дальше?.. Дальше как?

Он открыл глаза, увидел двух склонившихся к нему друзей и настойчиво, капризно попросил:

— Ребята, дайте мне сейчас же «Владимира Ильича Ленина». Я забыл, как там у Маяковского дальше.

Оба знали, что в землянке нет ни одной книги и все же обшарили взглядами все углы, пол и даже потолок.

— Дайте мне во что бы то ни стало эту книгу. Я хочу! Я приказываю подать ее немедленно!

— Видишь ли, Миша...—начал было начштаба, но комиссар дернул его за рукав и он замолчал. После паузы начштаба продолжал—...тебе сейчас вредно читать, ты отдохни, да и спать пора, уже вечер!

— Я сначала почитаю, а потом буду спать. Давайте сюда книгу!..

— Где же взять эту книгу?—шопотом спросил начштаба у комиссара.—Разве только в госпитале? Или может быть у начклуба...

— Подожди,—сказал комиссар, надел кожаный на меху шлем, взял перчатки и вышел.

Озорной ветер стал бешеным. Долго он метался по полю в поисках жертвы, но кругом было пусто и голо. С злорадством он накинулся на человека, вылезшего из земли. Ветер забрасывал его снегом, слепил глаза, больно сек лицо, заметал следы и пытался свалить, нажимая сильно на грудь, а потом наносит коварный удар под колени. Человек нагибался, шатался, один раз даже достал рукой до земли, но упорно двигался вперед. Потом он исчез так же внезапно, как и появился.

Через несколько минут ветер набросился на странного железного жука. Он словно знал, что в этой металлической коробке сидит тот самый человек, с которым он безуспешно боролся.

Ветер выл, хлестал по броне танкетки, забивал смотровые щели мелкой колючей снежной пылью. Но машина быстро бежала вперед.

Ветер крутил, завивал высокие снежные столбы. По небу неслись блестящие сыпучие облака. А по пустынной заснеженной земле от передовой линии обороны в тыл уверенно двигалась танкетка комиссара.

Добравшись до леса, комиссар повел машину вдоль опушки. Здесь было потише. Ветер срывался с верхушек деревьев и уносился в поле, а полоса у леса была почти не в его власти.

Потом танкетка пробежала несколько километров по открытому месту и нырнула в большое, занесенное сугробами село.

Обратный путь комиссара был таков же. Только двигаясь

по опушке, он вдруг повернул налево в лес. Здесь деревья были украшены пышными хлопьями снега. Сотни мельчайших лун дрожали на ветвях и сучках. Они падали на землю и разбивались, когда новый порыв ветра с разгона врывается в зеленый массив и мощно сотрясал мохнатые лапы елей, оледеневшие звонкие ветви берез.

Внезапное изменение маршрута комиссара было понятно. По опушке ему навстречу двигались два фашистских танка. Враг воспользовался плохой погодой и решил произвести глубокую разведку.

Можно было подождать, пока танки пройдут мимо, выско-чить из леса, добраться к своим и рассказать о разведке; организовать окружение вражеских танков. Но погода была очень плохая—метель, враг может ускользнуть.

Комиссар принял решение. Он поставил танкетку под большой развесистой елью. Взял две противотанковых гранаты и три бутылки с горючей жидкостью. Перебегая от дерева к дереву, добрался до опушки. Здесь комиссар лег в сугроб и стал ждать. Ветер наметал на него снег.

Вражеские танки приближались. Сквозь завывание ветра уже слышен был лязг их гусениц. Комиссар приготовился.

Вот первый танк уже рядом. Под его гусеницу полетела граната. Взрыв, и машина остановилась. Моментажно оба танка открыли нервную, суетливую стрельбу по лесу. Вторая граната взорвала мотор другого танка. Комиссар подполз к первой машине с черными крестами на броне и метнул бутылку... вторую... третью... Ветер обрадовался, увидев огонь. Он раздувал пламя, играл с ним, то прижимая к броне, то вытягивая вверх. Длинные языки уже лизали всю машину. Три гитлеровца выскочили из люка и тут же упали, пораженные пулями из пистолета комиссара.

Стрелки второго танка нащупали противника; пулеметные очереди дымились на снегу все ближе и ближе, снаряды ложились то справа, то слева.

Комиссар быстро добрался до танкетки и повел ее на опушку леса, на врага. У танкетки был всего лишь один пулемет, из которого комиссар и открыл огонь по смотровым щелям фашистского танка.

Поединок был неравен. Пушка врага была прямой наводкой по маленькой танкетке. Комиссар уходил от снарядов, менял позицию, кружил вокруг машины с крестами и жалил ее огнем пулемета.

В броне танкетки было уже несколько вмятин, снаряд искорежил ее люк. Но комиссар заставил замолчать пулемет

танка и только пушка продолжала назойливо стрелять, вращая свой хобот-ствол за подвижной увертливой целью.

Неожиданно замолчал пулемет танкетки—кончились патроны. В ту же секунду комиссар почувствовал, что со стороны мотора пышет жар. Он догадался, что один из снарядов врага угодил в уязвимое место и зажег танкетку. Надо было уходить.

Ветер с торжествующим злорадством набросился на горящую танкетку. Наконец-то он, если не сам, то с помощью огня одолеет этого упрямого железного жука. Но комиссар, как только выехал из зоны обстрела танковой пушки, остановил машину, выскочил и начал забрасывать огонь снегом. Ветер со злобной мстительностью срывал сухой снег с лопаты и развеивал его по полю. Одновременно он раздувал сильнее пожар. Но человек был настойчив и работал так быстро, что ветру не удавалось сдуть весь снег и часть его с лопаты падала внутрь, шипела, тушила огонь.

Когда пожар был почти ликвидирован, человек бросился телом на последние языки пламени и задушил их. Словно желая уцелеть и спрятаться, огонь уцепился за какую-то бумагу и вскочил человеку в карман. Человек заметил эту уловку и, несколько раз сильно хлопнув рукой в обгорелой перчатке, добил огонь совсем.

На второй скорости танкетка дошла до дому. Комиссар сначала отдал приказ о захвате экипажа подбитого на опушке фашистского танка, а потом пошел в землянку.

И начштаба и санинструктор сидели у постели комбата. Раненому было немного легче. Когда вошел комиссар, к нему повернулись головы всех трех.

Кожанка и ребристый шлем комиссара были сожжены во многих местах, один рукав разорван, ресницы и брови опалены. Стащив с рук обгорелые перчатки, комиссар полез в карман и достал небольшую книгу. Часть обложки и угол сильно пострадали от огня. Пепел раскрошился в руках и осыпался на пол. Комиссар смутился и виноватым тоном сказал:

— Извини меня, Миша... Целый час выпрашивал книжку у библиотекарши в госпитале. Никак не хотела давать. «У вас там, говорит, один раненый, а у меня много». Насилу выпросил. А вот по дороге у меня танкетка немного перегрелась и я не уберег карман.

Комбат встрепенулся:

— Привез Маяковского?! Костя—друг! Дай я тебя поцелую! Вот спасибо!

Помог ли Маяковский, но железное здоровье комбата

взяло свое, и через три дня он уже снова вел батальон танков в наступление.

А трех гитлеровских танкистов-разведчиков начштаба допросил еще в ту ночь, когда комиссар совершил свой замечательный рейс любви и отваги.

ПАРТИЗАНСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ

Гитлеровские разбойники явно нервничали. В темное осеннее небо одна за другой, а то и по две сразу, взлетали осветительные ракеты.

Медленно опускаясь, они ослепительно ярким светом заливали окрестности. И тогда полуобгорелая мельница казалась выше и чернее; два дерева на отшибе, словно о чем-то сговариваясь, ближе склонялись верхушками; под камнем на дороге ложилась такая густая тень, что становилась похожей на яму.

Подступиться к селу не было никакой возможности.

А партизан комсомолец Алексей В. должен был во что бы то ни стало исполнить боевое задание.

Он стоял в укрытии на опушке желто-золотистого днем и мрачно-темного сейчас леса.

Теребя свою короткую—недавно начал отпускать—черную бородку, партизан придумывал различные способы, которые помогли бы выполнить задание. Во что бы то ни стало надо было в эту ночь распространить воззвание среди населения одного из крупнейших в районе сел.

Созревало решение:

Подобраться со стороны огородов, а потом, двигаясь задками, наколоть гектографированные листки на плетни.

Или так:

Обойти колодцы и в каждую бадью положить по пачке воззваний. Немцы хотя и появляются на улицах первыми, но воду для лошадей и автомашин заставляют доставать и носить стариков и детей.

А можно было еще вот как:

Переползать от хаты к хате и подсовывать свернутые в трубочки бумажки под каждое третье или пятое крыльцо, чтобы кончик торчал наружу.

А то разве рискнуть:

Прикрепить воззвание прямо на дверях фашистского штаба, на помещении полиции, на хате сельского старосты, на доске для приказов и на столбе у почты.

Но для выполнения любого из этих планов необходимо

было сначала добраться до села, а этому мешали проклятые фашистские ракеты, от которых на опушке леса становилось светлее, чем днем.

Как же быть?

Вдруг партизан вздрогнул от внезапно раздавшегося вблизи странного звука. Сначала он даже не понял, что это такое, но тут же чуть не расхохотался вслух.

— Корова!

Где-то, совсем рядом, была заблудившаяся в лесу корова. Мгновенно в мозгу партизана родился новый, гениальный по своей простоте, план.

Тихо ступая, осторожно пробираясь сквозь кусты, он направился в ту сторону, где так неожиданно замычала корова. Искать пришлось недолго.

На небольшой полянке, у сломанной грозой березы, стояла не одна, а две коровы.

Бросившись к ним, обрадованный партизан споткнулся о какой-то бугор и упал.

— Чорты твоему батьку!—вполголоса выругался он. Поднялся с земли и начал рассматривать препятствие, которое вдруг шумно вздохнуло.

Поднять на ноги третью корову было не трудно.

Затем партизан достал из-за пазухи пачку листовок, разделил ее на шесть частей и каждую прикрепил шпагатом к коровьему рогу.

Выведя коров из лесу, партизан подогнал их по направлению к селу.

Почувяв родное жилье, животные, помахивая хвостами, уверенно пошли домой.

Смуглолицый, чернобородый партизан прислонился к дереву и при свете ракет следил за коровами до тех пор, пока они благополучно не вошли в село.

— Сказано—сделано!—партизан потер руки, торжествуя, улыбнулся и нырнул в кусты.

А на утро партизанское воззвание было наколото на плетни, наклеено на доску приказов и на телефонные столбы, вложено в бабьи колодцы, подсунуто под ступеньки крылец, прикреплено к хате сельского старосты, а также к помещению полиции и вызывающе белело на дверях фашистского штаба.

Все оставшиеся в селе читали простые, доходчивые слова воззвания:

«Братья и сестры!

Силы Красной Армии растут с каждым днем. Советскому Союзу помогают Америка и Англия. Сомнений в нашей окончательной победе над уже выдыхающимся противником нет.

Гитлеровцы ответят за все свои кровавые преступления. Победим мы, ибо наше дело правое. Победим мы, потому что фронт и тыл у нас едины, как никогда. Победим мы, так как наши резервы неисчерпаемы, а вооружение улучшается с каждым днем. Помогайте Красной Армии и партизанским отрядам, приближайте победу советского народа. Уничтожайте все, что может пойти на пользу нашему злейшему врагу—германскому фашизму. Смерть доносчикам, полицейским и старостам—ставленникам Гитлера. Смерть предателям родины! Смерть немецким оккупантам!

Колхозники,
стройтесь
к последней схватке!

Все,
разгибайте
спины и колени!

Армия советская
идет стройна!

Да здравствует победа,
радостная и скорая!

Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.

Командир партизанского отряда Борода.
Комиссар партизанского отряда Рудобаба.

Рассвирепевшие гитлеровцы срывали воззвание, хватали первых попавшихся под руку колхозников и поролли шомполами на базарной площади. Двух повесили на столбе у почты.

В тот день четырнадцать колхозников из этого села ушли в партизанский отряд. Ночью сгорел склад, куда грабители стащили хлеб, масло и другие продукты, отнятые у жителей. Утром полицейского стражника—бывшего конокрада—нашли убитым, а староста—кулак—болтался на столбе перед окнами фашистского штаба.

После этого в партизанский отряд из села пришли еще пятеро колхозников. Они были вооружены немецким автоматом и двумя пистолетами. А один из них, Микола Ш., принес в боковом кармане пиджака спрятанное у самого сердца партизанское воззвание со стихами Маяковского.

СИЛА СЛОВ

День был тихим и неморозным.

На маленькой лесной поляне, у штабеля, тщательно закрытого белым брезентом, собрались летчики. В теплых коричневых и синих комбинезонах с меховыми воротниками и с карманами на коленях, в лохматых собачьих сапогах, в кожаных шлемах с поднятыми над лбами очками—они окружили «эмку», нарочито небрежно выкрашенную в белый цвет.

Из легковой машины вылез немолодой военный в кожаном пальто с красными звездами на рукавах.

За комиссаром легко выпрыгнула женщина.

— Товарищи, артистка Златкович прочтет нам сейчас несколько произведений Маяковского.

Два рослых летчика без труда подняли артистку и поставили ее на штабель, покрытый брезентом.

Оживленный говор сразу стих. Белоснежные березки обступили полянку, словно мраморные колонны своеобразной и очень тонкой работы. Чистый, прозрачный и легкий воздух заполнил собой все, и только в ветвях деревьев, покрытых стеклянкой корочкой льда, он казался твердым, хрустальным и звонким. А выше поднималось беспредельное, прекрасное, без единого облачка, небо. Огненно-оранжевый диск идущего на запад солнца посылал вниз косые, скользящие лучи. Они золотыми стенами проходили между березами, мириадами негаснущих искр рассыпались по толстому, пушистому снежному ковру, ласково падали на тепло одетых мужчин в кожаных шлемах и собачьих унтах, нежным светом заливали небольшую фигуру женщины в коротком меховом жакете, в маленькой черной каракулевой шапочке-кубанке, из-под которой выбивалась аккуратно подрезанная черная чолка. Ее ноги в резиновых лакированных сапожках уверенно стояли на деревянном щите, предусмотрительно брошенном одним из летчиков на штабель, укутанный брезентом.

Широко открытыми темными глазами она смотрела на березовую колоннаду, поддерживающую бирюзовый купол неба, на обступивших ее отважных и бесстрашных в бою, веселых и задорных в часы отдыха, и выжидательно притихших сейчас летчиков.

Громко и выразительно просто она читала:

Мы

тут

забыли и имя их.

Заводы строим.

Возносим трубы.

А они не дремлют,
У них — химия.
Воняют газом.
Точат зубы.
Ну, и решили —
дошло до точки.
Бомбы взяли.
С дом — в объем.
Камня на камне,
листочка на листочке
не оставят.
Побьют...
Если мы не побьем.

Опускавшееся к горизонту солнце становилось краснее,
больше и зажигало небо своими оранжевыми лучами, на-
сквозь пронизывавшими пепельно-серые облака.

А над поляной взлетали слова:

И вырастут
хвост,
перья,
крылья.
Грудь
заостри
для любого лета.
Срывайся с земли!
Лети, эскадрилья.
Россия,
взлетай развоздушенным флотом.

Она читала прекрасно. Голос ее звенел, поднимался ввысь
над полянкой, уходил в лабиринт старинной березовой рощи и
терялся где-то там, далеко, в неожиданных тупиках и пово-
ротах.

Хорошо
вот такое
обделать чисто:
Вечер.
Ринуться вечеру в дверь.
Рим.
Высечь
в Риме фашиста —
и
через час
обратно
к самовару
в Тверь.

Старые командиры с металлом и эмалью орденов под кожей пальто сидели на подножке «эмки» и удивлялись силе человеческой молодости, дышавшей в словах умершего поэта.

Россыпь звезд уже зажглась в небе над березовой рощей. Артистка увидела их и, не называя стихотворения, прямо начала читать:

Наша земля.
Воздух — наш.
Наши звезд алмазные копи.
И мы никогда,
никогда!
никому,
никому не позволим
землю нашу ядрами рвать,
воздух наш раздирать острями отточенных копий.

Твердо, отчетливо звучало каждое слово, и летчики невольно подтягивались, становились прямее, шире развешивали плечи.

Голубой, дымящийся столб света от прожектора пересек небо, пронизав его до облаков.

— Воздух!

Это слово команды прозвучало коротко, туго и громко, как выстрел.

Моментально из березовой рощи на полянку выкатили самолеты. Заработали моторы. В прозрачные круги превратились пропеллеры. По две, по три сразу машины быстро уходили в беспредельно высокое ночное небо.

У штабеля вырос красноармеец с винтовкой и примкнутым штыком.

— Антракт. По независимым от администрации обстоятельствам, — весело проговорил он, обращаясь к артистке. — Вы не беспокойтесь, они сейчас же вернутся. Не в первый раз.

Артистка села на штабель, свесила ноги и начала наблюдать за тем, что происходило в затканном серебряными звездами небе.

Далеко впереди и высоко в небе шел воздушный бой. Загорались розовые огоньки взрывов зенитных снарядов, причудливо ложился красный пунктир трассирующих пуль, горел и гас и снова зажигался белый огонь осветительных ракет, бродил по облакам голубой свет то и дело скрещивающихся мечей прожекторов, то там, то здесь возникали зеленые и синие вспышки сигнальных ракет, падало к земле желтое пламя подбитых и пылающих машин.

А потом одна за другой машины садилась на полянку у слабо освещенного черного «Т». Их быстро прятали в березовую рощу.

Количество летчиков около артистки быстро увеличивалось. Она заметила нескольких с забинтованными головами и перевязанными руками.

— Теперь мы можем продолжать вас слушать,—сказал комиссар.

К его уху нагнулся один из летчиков и что-то быстро сказал. Комиссар согласно кивнул головой и попросил артистку:

— Будьте любезны, сойдите на минутку на землю.

Артистке помогли спрыгнуть. Бойцы аэродромной службы быстро сняли со штабеля брезент, и тогда артистка сразу поняла, почему она за все время не видела в массе своих слушателей ни одного светлячка горящей папиросы.

В штабель были сложены авиабомбы. Сейчас их ловко клали на салазки и быстро увозили к самолетам, которые готовались беспощадно отомстить фрицам за их наглый налет.

Штабель стал значительно ниже, когда артистка поднялась на него во второй раз. Ее голос, глубокий и сильный, гибкий и волнующий, летел уверенно и свободно:

Эскадрильи
атакующие
тучи рыли.
Прожектор
глаз
открывает круглый —
и нету
никаких эскадрилий.
Лишь падали
вниз
обломки и угли.

Казалось, артистка читала экспромтом свое собственное, пережитое, только что передуманное, переживуемое во время воздушного боя:

Иногда,
невидимые,
башня с башнею
сходились,
и тогда
громыхало одно это.

По старинке
 дрались
 врукопашную
 два
 в абордаже
 воздушных дредноута...

Она читала эти стихи с таким подъемом, какого не испытывала никогда.

Себя
 с врагом померьте,
 дорогу
 кровью рдя,
 до самой
 небьей тверди
 победу утвердя.

Ей аплодировали так, как никогда раньше.

Росинки слез глубокой невысказанной сердечной благодарности выкатились из уголков ее глаз и медленно потекли по смуглому лицу.

После концерта летчики окружили артистку, поздравляли, жали руки, а один даже подарил засушенный в книге еще с лета красный тюльпан.

Грозные в сраженьях с коварным врагом там в воздухе, они были просты, как дети, здесь на земле, у штабеля, на краю полянки.

Но внезапно они быстро, почтительно расступились. К Златкович шел высокий летчик, бронзоволицый от ветра, с черной цыганской бородой. На его коричневом кожаном пальто, на голубых, обшитых командирским жгутиком петлицах блестяло по две золотых звездочки. Он остановился перед артисткой и сказал:

— Я хочу поблагодарить вас от всего нашего ордена Ленина и ордена Красного Знамени гвардейского соединения. Вы доставили нам большую радость. Больше того. Слова стихов вдохновили летчиков на бой, который прошел очень хорошо. Каждый из нас готов теперь вполне продуманно повторить слова замечательного поэта-полководца «Я знаю силу слов» — изумительная по мощности сила! Спасибо!

Артистке хотелось ответить, что не она, а вот эти молодые, обветренные в облаках, обстрелянные в жестоких боях летчики заставили ее испытать настоящее счастье. Но ничего не ответила — только крепко, так, что ей самой стало больно, пожала руку генерал-майора авиации.

Чуть заметный ветер подул со стороны передового края обороны. Высоко в звездном небе глухо рокотали барражирующие самолеты.

ПАМЯТНИК БЕССМЕРТНЫМ

Он жил в небольшом городке на Урале. Все свободное от работы на заводе время Владимир Иванов отдавал своему увлечению скульптурой.

Как-то Дом народного творчества организовал большую выставку. По настоянию друзей фрезеровщик-скульптор послал на выставку свою группу «Чапаев и Фурманов».

Через несколько дней в газете была напечатана большая статья искусствоведа. Критик был очень требовательным, он останавливался на малейших недостатках. Нашел он их и в скульптуре «Чапаев и Фурманов». Но тут же отметил: «если автор пожилой, то мы имеем дело с изумительным природным талантом-самородком, требующим самого внимательного отношения со стороны общественности, если автор молод,—ему надо учиться, и тогда наш славный Урал даст родине достойного эпохи скульптора».

Фрезеровщика вызвали в комитет комсомола, и он поехал учиться.

В академии фрезеровщик шел в числе отличников и урывками, но упорно и настойчиво работал дома над моделью грандиозного замысла. Он мечтал окончить учебу, вернуться на Урал и там из огромной гранитной горы, что была невдалеке от родного города и вблизи железнодорожной магистрали, высечь прекрасный памятник Героям Советского Союза.

Создавая модель будущего памятника, скульптор включил в ансамбль не только тех, кто получил звание Героя Советского Союза, но и великих ученых—Ломоносова, Менделеева, Лобачевского, изобретателей Попова, Циолковского, художников Левитана, Рецина, музыкантов Чайковского, Мусоргского, писателей Пушкина, Гоголя, Некрасова, Маяковского.

Учеба подходила к концу. Модель невиданного по масштабам и смелого по мысли памятника бессмертным в основном уже была закончена.

Но вот в воскресенье, 22 июня, из радиорепродуктора прозвучали слова главы советского правительства о подлом, вероломном нападении германских фашистов на нашу родину.

Скульптор стал младшим лейтенантом стрелковой части.

С группой бойцов младший лейтенант прикрывал отход на-

ших частей, которые под нажимом во много раз превосходящих сил противника оставляли город Н.

Фашистские мотоциклисты, а за ними танки уже ворвались в город.

Бойцы заслона перебежали из одного дома в другой, всячески задерживая врага.

По храбрецам били пушки и пулеметы танков, строчили автоматы мотоциклов. Часть бойцов уже была ранена и сильно затрудняла маневренность группы.

Наконец, когда заслон добрался до одного из домов на окраине, гитлеровцы убедились, что это единственная во всем городе горсточка красноармейцев. Фашисты сосредоточили всю свою ярость на небольшом двухэтажном кирпичном доме.

Положив раненых на пол под окнами в первом этаже, младший лейтенант организовал круговую оборону и вел огонь из обеих этажей. У него было четыре ручных пулемета, восемь автоматов и пять винтовок.

Фашисты подошли к дому два танка, установили шесть станковых пулеметов и батарею минометов, бросили до полусотни автоматчиков, а потом подкатили и противотанковую пушку.

Силы были явно не равны.

С отвратительным криканьем и треском рвались фашистские мины. Снаряды быстро снесли крышу и разрушили половину верхнего этажа. Короткие сухие залпы автоматов и длинные очереди станковых пулеметов сливались в непрерывный треск и сеяли смерть, врывавшуюся в окна и пробоины в стенах. Один за другим падали герои-бойцы.

И все же мужественный гарнизон двухэтажного дома вел бой не только весь день, но и ночь.

Осажденные перебрались в нижний этаж и успели вывести из строя четыре пулемета, трижды уничтожали расчет у пушки, заставили замолчать один танк, уложили двадцать семь автоматчиков, разгромили минометную батарею.

Но враг поставил новые минометы, подбросил автоматчиков, подошел танк и танкетку, подкатил еще пушку и установил новые пулеметы.

Утром фашистам удалось поджечь развалины разрушенного обстрелом дома.

Последние его защитники забаррикадировались в подвале.

Пылающий дом попрежнему был неприступным. Смертельный огонь из трех окон-отдушин косил фашистов. Враг остерегался и вел ураганный огонь по дерзким смельчакам.

Их осталось очень мало.

Маленький курчавый Кац был ранен осколком мины в но-

гу. Широкоплечий весельчак Опанасенко в двух местах перевязал левую руку. Подвижной смуглый Дмитриев с помощью товарищей забинтовал себе пробитое пулей бедро. Высокий красавец Гоглидзе перетянул голову платком, сквозь который сочилась кровь. Скупой в движениях, стройный Никитин и силач тяжеловес Алешин были совершенно невредимы. Все они стояли у импровизированных бойниц и вели меткий огонь по врагу.

Младший лейтенант был ранен в левое плечо и руку, но продолжал руководить боем.

Вдруг он охнул и схватился за бок. Никитин отнес командира в угол, где на шинелях лежали тяжело раненые политрук Федоров и боец Гаврилин. Последний уже метался в горячечном предсмертном бреду.

Никитин перевязал младшего лейтенанта и вернулся к окопу-отдушине.

— Боеприпасы кончаются! — сообщил Опанасенко.

И тогда младший лейтенант, сжав зубы, чтобы не кричать, повернулся, достал из полевой сумки блокнот и карандаш. Превозмогая боль, он писал. Писал последнее письмо-завещание.

Вспомнились: мать, сестра, любимая девушка; дорогая сердцу модель памятника бессмертным, оставленная в маленькой комнате на Васильевском острове; гранитная глыба герой-горы, гордо стоящая вблизи родного города на далеком Урале.

Мысли возвращались к прожитому, любимому, дорогому. Рождалась досада на то, что вот события помешали осуществить задуманное. А рука сжимала карандаш и на бумагу лежали строчки письма.

Закончил, прочел и подписался:

«Иванов».

Один за другим подходили потные, грязные от порохового дыма, опаленные пламенем пожара, голодные, уставшие, но бодрые духом, полные решимости и стальной уверенности бойцы, читали письмо и ставили свои подписи:

Гоглидзе,
Дмитриев,
Опанасенко.

Расписывались и снова шли к бойницам, снова ловили на мушку врага, вели экономный снайперский огонь.

На листке из полевого блокнота во вторую колонку уже стали фамилии:

Никитин,
Кац,

Алешин.

Тогда один из тяжело раненых поднял голову и попросил: — Товарищ младший лейтенант... Володя... дай и я подпишу.

Младший лейтенант протянул ему блокнот и политрук дрожащей рукой вывел свою подпись:

Федоров.

— Все,—сказал младший лейтенант.

— Да все,—ответил Гоглидзе.—Больше нет ни одного патрона.—И он сильным ударом разбил свой автомат о край окна-отдушины.

Младший лейтенант бережно свернул письмо, тщательно спрятал его в стрелянную гильзу, а ее опустил в походную фляжку, которую Опанасенко и Никитин зарыли в углу.

Оставшиеся в живых оборванные и окровавленные четыре бойца,—Алешин и Дмитриев были убиты, Федоров тоже за- тих навсегда,—собрались около своего командира.

Вверху, над головой пятерых что-то рухнуло со страшным грохотом.

Проходили последние минуты.

Молча, с непередаваемой лаской и решимостью в глазах, бойцы обменялись долгим и сильным многозначительным мужским рукопожатием.

Они сели в тесный кружок вокруг младшего лейтенанта и замерли, как изваяния.

Даже тогда, когда в пробитые снарядами две бреши в сводах ворвались гитлеровцы,—красноармейцы оставались совершенно неподвижными. А фашистов все больше и больше набивалось в подвал. Они уже навалились на героев и стали связывать им руки. Офицеры выкрикивали отрывистые резкие слова команды. И тогда...

...Небольшая группа бойцов части, которая освободила город от гитлеровцев, сопровождаемая несколькими жителями, пошла посмотреть на развалины простого каменного дома, служившего славною советской крепостью.

Здесь случайно один из красноармейцев поднял походную фляжку, в которой что-то забренчало. Достали гильзу, вынули письмо и отдали его комиссару.

Комиссар читал письмо перед строем:

«Люди!

Мы занимались мирным созидательным трудом. Одни из нас делали машины, необходимые для борьбы с природой. Другие выращивали злаки и фрукты, борясь за обильную плодами жизнь. Третьи—создавали в различных областях науки и ис-

куства ценности, облегчающие и украшающие жизнь. Мы любим жизнь и хотим жить!

И вот во имя этой жизни, горя любовью к ней, мы присягнули нашему народу, надели красноармейские шинели, взяли в руки оружие и начали сеять смерть. Смерть извергам, уничтожающим все живое, сметающим с лица земли наши деревни и города, разрушающим культуру. Святая ненависть подняла нашу руку защитников жизни, и страшна наша кара. Да здравствует солнце свободы и счастья, да скроется тьма, в которой германские фашисты хотят потопить народы мира!

Дорогие братья по оружию!

Мы бились с врагом до последнего патрона. Боеприпасы на исходе. Через несколько минут сюда ворвутся двуногие звери. Когда фашистов наберется много, один из нас потянет за проволоку, ведущую к двум заложённым нами минам. Мы счастливы умереть за народ, а смерть наша уничтожит еще несколько десятков врагов. Среди нас есть коммунисты, комсомольцы и беспартийные. Но просим считать всех нас коммунистами. Мы умираем, произнося имя Сталина!

Любимые, родные, друзья и товарищи!

Возможно вы захотите чем-нибудь закрепить память о нас — не надо. Каждый боец Красной Армии, каждый гражданин нашей социалистической родины сделал бы тоже самое. Нам дорога память в ваших сердцах, и

Пускай

нам

общим памятником

будет

построенный

в боях

социализм!

Иванов, Гоглидзе, Дмитриев, Опанасенко, Никитин, Кац, Алешин, Федоров».

Комиссар замолк и снял шапку.

Все последовали его примеру. С обнаженными головами на тридцатиградусном морозе стоял полк, застыв в глубоком молчании скорби.

Красное, пробитое пулями и овеянное немеркнувшей славой гвардейское знамя с портретом Ленина склонилось в траурном салюте бессмертным.

НОЧЬ В ПАЛАТЕ

Взрывы смеха нарушали строгую тишину большой палаты. Раненые хохотали от всей души. Артисты были очень довольны—их нигде так не принимали, как здесь. «Вечер юмора и сатиры» собрал в палату № 17 всех ходячих больных и свободных медицинских работников.

Простые, доходчивые, с народным перцем шутки, тонкие остроты, блестящие каламбуры, забавные песенки—родили волну веселья, которая захватила и раненых, и санитаров, и лекомов, и врачей. Слушатели часто и громко аплодировали.

Артист Эммануил Рубанович закончил чтение фельетона «О трех зловонных Г.», уступил место певиче, а сам отошел в сторону, вытирая платком шею и лоб.

К нему подошел главврач с тремя шпалами в петлицах, выглядывавших из-под безукоризненно белого халата.

— Простите, вы руководитель бригады?

— Да, я.

— У нас есть один очень тяжелый больной. Близок кризис, когда нормальное состояние, бодрость духа, даже простое спокойствие играют решающую роль. К сожалению, ход болезни заставил нас строго изолировать его. Но изолировать его от мыслей о том, что он потеряет зрение, мы не в состоянии, а мысли эти могут погубить все наши старания. Хотелось бы его развеселить, развлечь. Только это надо сделать очень осторожно. Было бы лучше, если бы вы сначала один побеседовали с ним.

— Хорошо, идемте,—артист поднял полу мешковато сидевшего на нем халата и спрятал платок в карман.

Они прошли по ковровым дорожкам широкого, в зеркалах и портретах коридора, повернули в более узкий, который вел в крыло корпуса, а там—еще в один, совершенно тихий.

По дороге главврач коротко рассказал историю болезни человека, к которому они шли.

...Летчик Николай Меркулов с первого же боевого вылета отлично зарекомендовал себя в части. Он сбил один и серьезно искалечил второй самолет с паучьей свастикой на хвосте. После десятого вылета ему стали давать самые трудные задания. Командование части было твердо уверено, что машина «54» вернется на аэродром, а рослый чернобровый богатырь сдвинет очки на шлем и как всегда отрапортует: «Летчик Меркулов задание выполнил».

Один только раз самолет «54» не вернулся домой ни в двенадцать часов, как было намечено, ни в восемнадцать, ни в двадцать четыре. Утром послали две машины на розыски. А

через час после их старта самолет «54» показался в небе, сделал круг и сел по всем правилам летного искусства. На этот раз рапорт чернобрового атлета был длиннее обычного: «Летчик Меркулов задание выполнил. Дал фашистам два боя. Во втором меня подбили. Вынужден был сесть на территории, занятой врагом, на лужайке за лесом. Чинился до утра. Если бы не помог штурман товарищ Полещук, пришлось бы уничтожить машину и уходить из окруженья пешком». Измазанный, как слесарь, с едва сдерживаемой улыбкой, в трех шагах сзади стоял его верный друг голубоглазый блондин штурман Павел Полещук.

Задание было выполнено и в тридцать восьмой раз. Но на обратном пути зенитная батарея—ловушка зажгла самолет. Летчик скользил то на одно, то на другое крыло, пикировал, чтобы сбить пламя, но пожар не прекращался.

Тогда пилот приказал штурману:

— Прыгай!

Тот ответил:

— Есть, приказано прыгать с парашютом. Но лейтенант Полещук не трус и останется на месте.

Пламя лизало машину со всех сторон, в кабине было нестерпимо жарко.

Летчик крикнул:

— Пашка, прыгай, сгоришь!

Штурман огрызнулся:

— А ты асбестовый?!

Пылающий самолет приближался к линии фронта. Коробилась и дымилась кожа на шлеме и груди летчика. Сдерживая стон, он проговорил обожженными губами:

— Пашка, не губи себя, прыгай!

Молчание было ответом.

И сразу стало безотчетно страшно, летчик толчком почувствовал, что он один. Сознание хваталось за спасительную мысль: «Может быть он выпрыгнул, а я не заметил», но рассудок тут же опровергал это.

Отвратительный запах горящих меховых перчаток лез в рот и нос, душил до головокружения и тошноты. Перегорел резиновый ремешок и очки упали на пол кабины. Огромным напряжением воли летчик открывал глаза без бровей и ресниц и сквозь бушующее пламя старался разглядеть землю.

Самолет «54», объятый пламенем, но спасенный от гибели, сел в расположении наших частей. Пожар потушили. Осторожно вынули потерявшего сознание летчика. В кабине штурмана лежал обуглившийся труп.

— Теперь этот летчик у нас,—закончил свой рассказ главврач.—Особая трудность в том, что ему нельзя даже лежать.

В маленькой, совершенно изолированной палате, под большим колпаком из марли, на хитроумной системе бинтов висело голое обгорелое тело. Лицо, шея, грудь, руки были страшного сизо-багрового цвета. Ярко белела легкая, но плотная повязка на глазах.

— Кто это? Ах, это вы доктор!

— Я привел вам товарища артиста, побеседуйте, а я уйду, чтобы не мешать.

Когда они остались вдвоем, летчик попросил:

— Почитайте мне. Лучше всего детские сказки или стихи для детей. Можете ночью, ведь я все равно не сплю, одолевают всякие мысли.

...В глубокую густую тишину погрузился госпиталь. Электролампы были заботливо задернуты синими шторками. Дремала на стуле в коридоре дежурная сестра. Только в палате № 67, у постели летчика артист вполголоса читал книгу, на которой было написано: «Детям».

В сумеречно синей высоте под потолком проплыли четыре штуки тучек, к ним пристала пятая, а от нее разбежались слюнок за слоником, их спугнула шестая и тучки исчезли, спасаясь от сверкнувшего длинным лучом солнца.

Летчик знал, что на его глазах повязка, и эта необычайная возможность видеть игру тучек очаровала его.

Многодневная, тяжелая, напряженно нервная собранность чуть-чуть ослабела, он повернул свое внимание к событиям, людям, к миру вне себя и своей тревоги за целостность глаз.

Внутренне улыбаясь, внимательно следил летчик за жизнью толстого Пети и тонкого Симы. Он видел и пятиэтажный дом, и ведро с помоями, и кузнеца в закопченном цеху, и мальчика на самодельном самокате.

Временами все таяло, и тогда он слышал голос артиста, но слова пролетали мимо, даже не сохраняя смысла.

Затем он увидел милиционера, который плюнул толстому Пете на пузо и химическим карандашом написал адрес, а на нос поставил сургучную печать.

Летчик засмеялся громко и звонко. Это было совершенно неожиданно для артиста и встревожило дежурную сестру. Она вскочила со стула, наступила на давно оброненную газету и неслышно вбежала в палату № 67. Тут испуг на ее лице сменился улыбкой. Мягко ступая в войлочных туфлях, дежурная вернулась на свой стул и подняла газету.

А у постели летчика звучали предельно простые, детские, неуклюжие, веселые, умные стихи.

Неслышно открылась дверь, почему-то вся в ровных строчках букв и появился лев с председательским колокольчиком в лапе. За ним большая и маленькая ламы, маленький и большой пеликаны. Игриво вбежала, словно одетая в купальный костюм, зебра—полосатее матраца.

Летчик снова хорошо, свободно засмеялся.

Он попросил прочесть второй раз стихи «Эта книжечка моя про моря и про маяк» и «Мы вас ждем, товарищ птица, отчего вам не летится?» А потом с восторгом повторил несколько раз:

Начинается земля,
как известно, от Кремля.

Наконец была перевернута—последняя страница. В палате стало так тихо, что и летчик и артист услышали, как упала газета с колен задремавшей дежурной сестры.

— Если вам не трудно,—попросил летчик,—прочтите мне эту книгу еще раз с конца до конца, как я говорил в детстве.

— С удовольствием.

Снова в палате звучали стихи и радостный спокойный смех летчика.

Ночь в палате у постели больного летчика навсегда запомнилась артисту.

Через несколько дней ему позвонили по телефону:

— Говорят из госпиталя. Сегодня мы второй раз снимаем повязку с глаз больного палаты № 67. На вопрос, кого бы он хотел видеть, больной ответил: «главврача, санитарку, которая за мной ухаживает, окулиста и того артиста, который мне читал». Очень просим вас приехать к трем часам.

Артист приехал.

С глаз летчика сняли повязку.

Он медленно осмотрел четырех людей в совершенно одинаковых белых халатах и начал называть:

— Вы—главврач... это—окулист...

— Перепутал,—прошептала санитарка.

— А вы—артист. Я вас таким и представлял. Подарите мне ту книгу, которую вы читали. Теперь я буду жить, видеть жизнь. И, знаете, страшно было думать—вот ты умрешь, а жизнь будет продолжаться, а ты ничего этого не видишь. Но это прошло. Мне сказали, что уже никогда больше я не смогу водить самолет. Больно потерять любимое. Но ведь в нашей стране столько дел! В той книге хорошо сказано: «Все работы хороши, выбирай на вкус!»

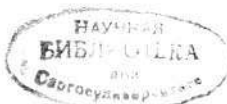
...Прошел месяц. Летчик ехал в поезде, и не раз вынимал из чемоданчика детскую книжку. На оборотной стороне обложки была приклеена фотография артиста.

Под стук колес и мерное покачивание вагона он читал и перечитывал полюбившиеся стихи.

Поздно вечером летчик обратился к своим спутникам и горячо, с огромной внутренней убежденностью, сказал:

— Знаете, я на личном опыте убедился, что Маяковский

Это—очень хорошо
И большим
и детям.

355657

Саратовское областное государственное издательство. 1942 г.

Отв. редактор *Е. Троценко*

Корректор *З. Чульнова*

НГ21918. Подписано к печати 25/VIII 1942 г. Учет.-изд. л. 1,7. Печ. л. 2.
Знаков в бум. л. 78000. Тираж 25000. Цена 55 коп.

Саратов. Типография № 1 Полиграфиздата. Заказ № 2823.